

Владимир Иванович Даль

Братец и сестрица

Владимир Иванович Даль

Братец и сестрица

— - Вот, друг мой, Боринька, дожили мы с тобой, по милости божией, и до этой радости: Наташа будет на этой неделе; вот письмо Анны Матвевны!

-- Ну, слава богу! -- отвечал зять старушки, который только что возвратился со службы и, мимоходом, отправил из передней и залы двух гонцов на кухню, чтоб скорее подавали кушать.-- Что же еще пишет Анна Матвевна, или сама Наташа?

-- И та пишет, и другая. Вот, прочитай! Хвалит голубицу нашу, друг мой, вчуже радуется нашему счастью. В субботу выезжают: ты знаешь, Анна Матвевна, по-старинному, держится легких дней; а, право, уж нет дня легче субботы. Вот, друг мой,-- продолжала она,-- и новые заботы в дом; дочь у тебя заневестилась: надо будет ее и в люди показать, надо будет и у себя принимать хороших людей. Оберегай ее, как отец, да втихомолку приискивай ей ровнюшку... вот, например, как Илья Степаныч...

-- И, матушка,-- перебил ее зять, -- успеем! Что это, еще и в доме невесты нет, а вы женихов накликаете.

И, поцеловав руку у старушки, Борис Михайлович опять оглянулся, услышав шаги человека в столовой, и сказал:

-- А что ж кушать, скоро ли?

-- Подано,-- отвечал молодой человек, войдя в комнату и поздоровавшись с хозяевами, назвав одного батюшкой, а другую бабушкой и поцеловав у нее руку.

-- А, это ты, Никандр, а вот мы в радости сегодня: Наташа едет!

Разговор, все о том же предмете, сделался общим, и мирное семейство, состоявшее из трех членов и ожидавшее с таким нетерпением четвертого, пошло к столу.

Борис Михайлович, человек почтенный и уважаемый всеми в том губернском городе, где они жили, занимал давно уже одну из высших губернских должностей; он был вдов, а Марья Афанасьевна, теща его, осталась при нем, по старой привычке и из любви к детям. Впрочем, старушке бы почти и некуда более приткнуться, потому что у нее была один-одна дочь. Борис Михайлович жил одной службой, хотя у старушки и было довольно хорошее имение; она за дочерью не отдала

ничего, сказав: "Коли, даст бог, переживете меня, то все ваше будет; а до того времени я вам кланяться не хочу; будем жить вместе, так и мои доходы пойдут в ваше хозяйство, а разъедемся врознь, так мое покуда при мне".

Но они врознь не разъезжались, а жили советно и любовно до самой смерти жены Бориса Михайловича, которая скончалась уже лет десять назад. Осталась дочь, Наташа, ребенок лет семи, да сводный брат ее, Никандр, сирота, взятый в дом по смерти родителей его. Ему было при кончине супруги Бориса Михайловича лет пятнадцать; о нем заботились, как о сыне; а так как он показывал хорошие способности и особенную охоту к рисованию и черчению, то его и пристроили в Академию Художеств, откуда он возвратился через несколько лет, определившись губернским архитектором в тот самый город, где жили названные родители его.

Между тем и Наташа подрастала: она была на руках у бабушки, но и Борис Михайлович не спускал с нее глаз. Надобно было подумать о так называемом воспитании ее, то есть о придании уму ее светской гибкости, условно-

го приличия и общепризнанных за необходимое поверхностных сведений, а также наружности ее того французского лоска, для которого теперь, может быть, и самое название *французского* покажется неуместным, потому что он принят всюду, где общество называется благовоспитанным и образованным. Для этого после долгих рассуждений отправили, наконец, Наташу к зажиточной тетке в соседний губернский город. У тетки этой было на руках три дочери и для них нарочно была выписана, за дорогую цену, петербургская гувернантка; тетка писала об этом Борису Михайловичу и убеждала доверить ей, хотя года на три-четыре, воспитание Наташи, которая таким образом и провела время это и заневестилась вне отеческого дома. Бабушка долго не решалась расстаться с внучкой своей, говоря, что она для нее только и живет теперь на свете, но Борис Михайлович, будучи вообще доволен простым, благоразумным и естественным обращением бабушки с внучкой, никак не мог, однако ж, назвать это *воспитание* в том смысле, какой придается у нас этому слову, не находил также удобным попол-

нить недостающее губернскими средствами, а потому и убедил старушку воспользоваться предложением тетки, тем более что расстояние было невелико и что раз или два в год можно было Наташу навещать.

Только что семья наша села было за стол, как загроможденная поклажей коляска вдруг подкатила к подъезду и все вскочили, узнав прокуроршу, которая ездила в соседний губернский город и, по обещанию своему, привезла Наташу. Братец ее, губернский архитектор, встретил ее и обнял первый, передал с рук на руки отцу, а этот бабушке. Прокурорша, объяснив случайные причины этого досрочного прибытия, расцеловала бабушку и, отказавшись даже присесть, отправилась в коляске домой.

Итак, Наташа, после нескольких лет отсутствия, была опять дома. Времени прошло немного, но как все в глазах ее изменилось! Немудрено; девушка двенадцати и шестнадцати лет -- это не одна и та же особа, не один и тот же человек: это разъединившаяся двойчатка, из которой одна половина ушла назад, в потемки прошедшего, и уходит все дальше

и дальше, а другая выступила вперед и, опознавая исподволь на новой местности своей, постепенно идет смелее и смелее вперед... Кукла более походит на младенца, чем девочка на девицу!

Наташа бегло перескакивала мыслями и языком с одного предмета на другой, с одного на третий и пятый, столько ежеминутно рождалось в ней ясных и неясных воспоминаний, столько было вопросов, расспросов и разведываний, а между тем редко доставало терпения выслушать до конца мерный ответ отца, чинный рассказ бабушки или подробные объяснения братца; Наташа кидалась на другое и сама бегала из покоя в покой, по всему дому, желая навестить каждый знакомый угол. И шкаф с перильцами наверху и с медными шарами по углам, и тагильский большой сундук, синий с алыми цветами, окованный железом, и горка в углу, с фарфоровыми сборными чашками, подарками отцу, покойной матери и бабушке в дни именин и рождений -- все это были старинные знакомые и приятели Наташи, над которыми она готова была от радости и плакать и смеяться. Дом

Бориса Михайловича ожил и просветлел с того мгновения, как Наташа в него вступила.

Взрослый ребенок этот, как было уже однажды сказано о другом, подобном ему существе, соединял в себе, так сказать, обе природы родителей своих, представляя олицетворение этого союза. Хотя Наташе и было всего только семнадцатый год и она даже, по живости своей, казалась еще моложе, не менее того во всем существе ее проявлялась какая-то страстная преданность -- основание женственности и в то же время независимая сила и самостоятельность отца. Эту смесь силы и кротости принуждение и насилие не могли себе подчинить; они только возмущали девственную душу, поселяя в ней одно исключительное чувство -- негодование; но зато разумное убеждение, а еще более простая, убедительная просьба поработали ее безусловно. Таким образом слабость ее заключалась именно в этой бессознательной силе, которая легко и безусловно покорялась кротости и ласке, будучи затем готова на безусловное самопожертвование, чтоб только отмолить вынужденный природою вещей проступок. Сто-

ило только выказать какой-либо доблестный поступок или заставить Наташу быть вольным или невольным поводом какого-либо оскорбления, и герой ее, или притесненный, получали, так сказать, над нею полную власть: уважение, раскаяние и сострадание одинаково овладевали благородною преданностью ее и подчиняли ее постороннему влиянию.

Все выказывало в ней природу, которая чувствовала силу и свежесть свою, не зная ни гордости, ни тщеславия. Обилие жизненности вещественной и духовной сдерживалось ею только с трудом в пределах условного приличия, и даже глаза ее были лучисты; но эта могучесть жизни, будто сама перед собою краснея, облекалась ласкою, негою и кротостью. Если из груди ее вырывалось по временам звучное междометие, или она сама себя ловила с поличным, опомнившись при каком-нибудь быстром, решительном движении, то она вдруг останавливалась, как тронутая волшебным жезлом, и не знала куда деваться с кипучею молодостью. Эта мнительность и осторожность, тщательно подавляв-

шая на каждом шагу упрямую природу, обозначались какою-то кипучею воздержанностью и деятельным покоем, довольно любопытными для наблюдателя.

Бабушка была ласкова к Наташе, не понукала и не запинала ее на каждом шагу, а присматривалась и прислушивалась к ней, чтоб сперва ознакомиться с нею после долгой разлуки и вполне понять ее и изучить. Но забота о том, чтоб хорошохонько пристроить Наташу, не выходила из думки Марьи Афанасьевны, и она в тот же вечер и опять на другой день, оставшись одна с зятем, проговорила:

-- Да, Боринька, вот и новые заботы: надо подумать о дочери; надо хорошего человека приискать, чтоб был ей ровня...

-- И, матушка! -- отвечал опять Борис Михайлович.-- Каждому дню свое: бог позаботится обо всех. Придет время, тогда придумаемся. Когда рожь, тогда и мера.

Но бабушке поговорка ее вошла в привычку, и дня не проходило, чтоб старушка не проговаривалась. Она перебирала про себя всех женихов, каких только знала в губернии, и с глубоким вздохом качала головой: "Все не

то!" Ей нужен был наперед всего нравственно-безукоризненный человек -- так высоко ценила она достоинства внучки своей, а затем она также требовала от него порядочную родословную, хорошее состояние, уваженное положение в свете или обществе; само собою разумеется, что наружность и лета должны были всему этому отвечать. Словом, трудно было по этой статье на бабушку угодить: не знаю, так ли причудлива будет со временем внука.

Дни шли за днями, и между братцем и сестрицей, губернским архитектором и Наташей то есть, не было заметно никакой особенно тесной дружбы; не видавшись несколько лет, они как будто чуждались несколько друга друга, потому именно, как я уже сказал, что девочка и девица вовсе не одно и то же лицо: первой нельзя более узнать во второй, и старый друг и товарищ девочки стоит перед девицей невольно растерявшись и не находя ладу и меры для слов своих и обращения с нею. Впрочем, как братец и сестрица, они стали мало-помалу опять свыкаться.

Но судьба или случай вдруг, внезапно из-

менили отношения эти. Раза два-три уже случилось, что Наташа, по быстроте и опрометчивости первого движения своего, несправедливо обвинила было своего братца в каком-либо слове или ином действии и вслед затем сильно сама перед собой была пристыжена. В такой душе, как была Наташа, это сознание погрешимости своей и превосходства в другом существе необходимо должно было произвести некоторый переворот, и именно добровольное подчинение себя тому, кому не могла отказать в уважении. К этому присоединилось еще другое обстоятельство: при постройке Никандром Петровичем собора беззаботливость одного из подрядчиков и авосьничанье рабочих во время двухдневного отсутствия строителя по делам в уездном городе были причиной бедственного случая, который был отвращен одною только решимостью, отвагою и присутствием духа самого архитектора, который спас этим жизнь двух человек, обреченных уже на гибель. Часть лесов внезапно обрушилась в то самое время, когда Никандр Петрович, воротившись из поездки, навел на работы; при этом двух чело-

век на верхних лесах ушибло и прижало так, что они не могли высвободиться. На месте было немного рабочих, да и те, испугавшись и потерявшись, не решались ни на что, и погибающие уже лишились чувств, или по крайней мере голоса: они замолкли и предались своей участи. Страшно было смотреть на них снизу, как они висели на обнаженных вокруг лесах, на высоте нескольких десятков сажень от земли, а между тем к ним не было никакого доступа: лестницы и сходни все обрушились. Каждое мгновение было дорого. Никандр Петрович бросился к зданию, вызывая других за собою, и, сунув в карман один только пучок ниток, с опасностью жизни, счастливо одолев все препятствия, взобрался изнутри на свод собора, а оттуда, по остаткам обрушившихся лесов, ловко дополз до места гибели двух рабочих. Удостоверившись здесь в том, что голыми руками пособить невозможно, он, сидя верхом на бревешке, спустил бечевку свою вниз и закричал, чтоб проворнее привязали к ней пилу и конец веревки, которую надвязывали, по распоряжению его, по мере того, как он ее подымал и она прихо-

дила к концу. Перепилив с большою осторожностью брус, который прижал двух несчастных каменщиков, одного за руку, а другого поперек всего тела, Никандр Петрович, с помощью еще одного каменщика, который наконец решился последовать его примеру, спустил бедствующих одного за другим благополучно на землю помощью взятой им с низу веревки.

В продолжение этого времени вокруг собора на шум и крик собралось множество народа; а как присутственные места были на той же площади, то можно сказать, что весь город, а в том числе и Борис Михайлович, были свидетелями происшествия. Оно наделало много шума; не могли надивиться и нарадоваться отваге и решимости архитектора; и если случай этот увеличил всеобщее к нему уважение, то он стоял с этого дня перед сестрицею как баснословный герой, как полубог. Все чувства ее покорились ему, и когда на другой день семья одного из спасенных им рабочих, не удовольствовавшись благодарностью, изъявленной лично Никандру Петровичу, пришла еще на дом к нему, когда его там

не было, и упала в ноги перед бабушкой и перед барышней, обнимая колени ее, то она не взвидела под собою земли от радости и чувства гордости -- не за себя, а за своего братца.

Вскоре после этого события Марья Афанасьевна, сидя вечером одна с зятем, опять начала вздыхать и приговаривать, что пора подумать об устройстве участи Наташи, но на этот раз сказала это не совсем в общих словах, не на ветер, а перешла к намекам более положительным, спросив зятя, какого он мнения, например, о том человеке, у которого есть имение, называемое Верхние Сушняки?

Борис Михайлович, не обратив сначала большого внимания на обычные слова тещи, вдруг поднял голову, взглянул на нее во все глаза и спросил прямо:

-- Как, разве он сватается?

-- Нет, не совсем или может быть,-- отвечала та,-- но я все-таки желала бы знать заблаговременно мысли твои, Боринька, об этом человеке,-- и затем пустилась расхваливать его.

Зять долго слушал молча, потом сказал:

-- Матушка, мое мнение вот какое: вы все заботитесь о женихе, ищите его за тридевять

земель, а перед собой его не видите. Я думаю, если нам не вмешиваться, а предоставить дело судьбе и тем, до кого оно всего ближе касается, то оно и сделается без нас, и сделается недурно.

Марья Афанасьевна, в свою очередь, выпрямилась в кресле своем и с крайним изумлением смотрела на зятя: она не хотела, не смела понять его.

— - Что это значит, о ком вы это говорите? Я вас не понимаю.

— - А я истинно не понимаю, матушка, отчего слова мои ставят вас в такое недоумение. Взгляните на молодых наших: я думаю, что они будут просить не старания нашего, чтоб их сблизить, а одного только благословения.

Но бабушка долго еще не могла утешиться и успокоиться; она ставила сотни причин, почему об этом союзе и думать нельзя было, оканчивая, впрочем, каждое возражение свое тою же поговоркой: "Да притом же, помилуй, она ему сестра!" Борис Михайлович не спорил ни против того, что Никандр сирота, без роду без племени, что отец его не был даже записан в родословную, не только в шестую книгу,

как этого требовала Марья Афанасьевна, что Никандр был бедняк, живущий одним жалованьем с небольшим только пособием от незначительных частных построек, что Наташа может и должна составить не такую партию и пр. Против всего этого Борис Михайлович не возражал ни слова, считая это до времени излишним, а покончил тем же, чем начал, то есть просил бабушку не торопиться и не затевать от себя никаких переговоров по этим делам. Борис Михайлович поступил так не только потому, что будущее насущное благосостояние Наташи зависело от бабушки ее, владельницы порядочного имения, но и потому, что такое поведение было вообще согласно с ровным, рассудительным нравом его и что он очень уважал бабушку, занимавшую уже столько лет в доме место полной хозяйки.

Не знаю, заметили ль отец или бабушка какую-нибудь перемену в молодых людях в тот же вечер, но на другой день, к сожалению, это было уже слишком заметно, и неприятная перемена эта усиливалась со дня на день и делалась для отца, и в особенности

для бабушки, невыносимую. Никандр был либо в каком-то лихорадочном состоянии, либо сидел молча в темном углу и просыпался, как со сна, когда с ним заговаривали; он стал наконец явно бегать из дома, под предлогом дел и занятий. Наташа изменилась еще заметнее: куда девалась торопливость ее, прежняя опрометчивость и скорохватность, куда -- это детское простодушие и независимость, свобода приемов? Она сделалась робка, пуглива, будто беспрестанно держала ушки на макушке и в то же время -- какое противоречие! -- во всех приемах, в обращении и речи ее появилась какая-то плавность, степенность и обдуманная осторожность.

Перемена эта, как легко понять, была следствием дошедших до молодых наших объяснений бабушки и отца. Горничная, лакомая до подобных разговоров, незаметно подслушала все и сочла обязанностью передать слышанное любимой барышне своей. Наташа, конечно, остановила бы ее и не стала бы слушать от горничной подобных вещей, но у бедняжки захватило дух с первых слов рассказщицы, и она, под влиянием новой для нее

мысли, поразившей ее, как из тучи гром, молча дослушала все, едва переводя дух, и даже не отвечала ни слова, когда Палаша в третий раз уже окончила рассказ свой и готовилась начать его в четвертый. К сожалению, все это было также предметом разговора в людской, в застольной, и человек, раздевая вечером Никандра, затянул было, с оглядкой и осторожностью, ту же песню. Никандр Петрович остановил его тотчас, заговорил о другом и отправил; но долго он не мог сомкнуть глаз и, не зная, что именно было сказано и по какому поводу, решил наконец, в крайнем беспокойстве своем, заглянуть в комнату Бориса Михайловича и переговорить с ним, о чем он доселе еще и не думал. Борис Михайлович не спал еще, удивился появлению Никандра, но выслушал его спокойно и отвечал:

— До времени, любезный Никандр, советую тебе отложить вовсе мысль об этом. Есть много причин, которые затруднят это, и, между прочим, вы брат и сестра. Прими совет мой к сердцу, позабудь об этом думать.

Дня три за тем Борис Михайлович, глядя на детей, молчал; Марья Афанасьевна терпе-

ла долго, наконец, с негодованием и беспокойством спросила:

-- Так что ж это такое будет?

-- Не знаю, матушка,-- отвечал Борис Михайлович,-- вам лучше знать это. Я знаю только, что Никандр просится в перевод в какой-нибудь другой губернский город.

-- Как, что это значит?

-- А разве вы хотите требовать, чтоб здесь, при этих обстоятельствах, он подвергался ежеминутной пытке, чтоб он то и дело казнился, глядя на... да хоть бы на всех нас? Его держать нельзя, пусть с богом едет.

Бабушка вздохнула и промолчала; через несколько дней, однако ж, у нее опять лопнуло терпение и она выбрала время, чтоб поговорить с Наташей. Но Наташа молчала; с трудом только бабушка могла заставить ее вымолвить словечко; молчала кротко и покорно, но с этого часа еще более повесила голову и на следующий день, без всякого упрямства, но по нездоровью, не могла выйти к обеду.

Бабушку взяла тоска не на шутку. Никандр уехал, напросившись на командировку, и

ожидал перевода в другую губернию. Это смущало бабушку в высшей степени; она привыкла к нему и не хотела бы с ним расстаться. Наташа не была похожа на себя; сам Борис Михайлович сделался малословным и скучал. Марья Афанасьевна пришла вечером в покой зятя, притворила двери и залилась слезами: жизнь ей опостылела, в своем же доме, да и житья нет -- она для детей живет, и должна видеть несчастье детей, и прочее.

-- Да в чем же дело?-- спросил, наконец, Борис Михайлович.-- Я не раз уже выслушал все ваши причины и доводы и, виноват, не понимаю их. Как постелешь, бабушка, так и выспишься...

-- Так ты думаешь, Боринька, что можно?

-- Я думаю даже, что должно.

-- Боже мой! Куда же девались все заботы мои, все золотые сны... я чаяла богатого, чаяла родословного, чаяла знатного...

-- А я чаял доброго, благородного, молодого, здорового, умного, работающего...

Бабушка вздохнула, прочитала про себя короткую молитву, перекрестилась и опять спросила:

-- Так что ж, Боринька, с богом, что ли? -- и весело улыбалась сквозь слезы.

-- Я думаю, с богом,-- отвечал Борис Михайлович.

Бабушка обняла его и вышла, сказав:

-- Ну уж коли так, то молчи: я улажу это дело.

Борис Михайлович от души поцеловал старушку и охотно предоставил ей удовольствие улаживать то, что давно само собой уладилось.

Бабушка пришла в своей покой, поставила на столик чернильницу с пером, положила бумагу и послала за Наташей.

-- Ну, сударыня моя,-- начала она, улыбаясь,-- да что ж это будет у нас? Что вы там наделали, кайтесь! -- Наташа молчала, глядя во все глаза, некогда лучистые, а теперь туманные, с поволокою.

-- Куда,-- продолжала бабушка,-- куда и зачем ты у меня сына-то загнала, зачем он уехал?

Никогда еще Наташа не была в таком странном положении и решительно не знала, что отвечать.

-- Садись, сударыня моя, садись же, мать моя, вот тебе перо и бумага; садись и пиши ему, пиши что и как знаешь, да чтоб он приехал; коли любит тебя, пусть приезжает, я вас благословлю, и отец благословит,-- а сама зарыдала.

Наташа, как стояла перед бабушкой, бросилась к ногам ее и обняла ее колени. Она несколько раз всхлипывала, но когда подняла голову и смотрела бабушке в лицо, то глаза ее были уже сухи и опять по-прежнему лучисты, а на лице не было и следу слез; бабушка также вскоре оправилась, поцеловала внучку, но приняла опять несколько важный и степенный вид и требовала настоятельно, чтоб Наташа тотчас же писала. Несколько секунд, не более того, Наташа не могла опомниться и собраться с мыслями: положение ее было слишком странно и непривычно; но когда бабушка повторила в третий раз все одно и то же и, сказав: "пиши, матушка, пиши", указывала повелительно на бумагу, то Наташа вдруг кинулась к столу, схватила перо и, не призадумавшись ни на одно мгновение, написала:

"Любезный братец! не удивляйся (теть), что я тебе (вам) пишу. Бабушка посадила меня и строго приказывает: "пиши!" И что ж писать... Пиши: пусть он скорее приезжает, я вас благословлю, и отец благословит..."

Бабушка с некоторым изумлением пробежала записку: она не ожидала такой стоворчивости от секретарши своей и такой быстрой исполнительности; бабушке было очень любопытно увидеть, как-то она вывернется из этого положения, что-то она ему напишет -- а тут никаких затруднений не оказалось и дело было кончено, как нельзя яснее и короче, в четырех строках...

Я проезжал этот город; собор и новые присутственные места, несмотря на малый простор, предоставленный при постройке зодчому, выстроены с большим вкусом. Но лучший дом в городе, не большой и вовсе не великолепный -- это дом архитектора, Никандра Петровича, о котором говорят, что он завидно хорошо живет с молоденькою женою... Живите, любовь вам и совет!

КОММЕНТАРИИ

Рассказ впервые был опубликован в 1857 г. в журнале "Отечественные записки" (т. 112, No 6) в цикле "Картины русского быта". Перепечатан в собраниях сочинений 1861 (т. I), 1883 (т. IV) и 1897 (т. IV) гг.

Стр. 379. *...по-старинному, держится легких дней.*— По суеверным представлениям прошлого некоторые дни недели были благоприятнее других для начинания какого-нибудь ответственного предприятия; такие дни называли легкими.

Стр. 386. *Сажень* -- мера длины, равная 213,36 см.

Стр. 388. *...отец его не был даже записан в родословную, не только в шестую книгу...*— Родословные книги, по определению "Толкового словаря" В. И. Даля,-- те, "в которых пишется родословие дворян". Русские книги депутатских дворянских собраний состояли из шести частей. В последнюю, шестую часть (которую автор имеет в виду под "шестой книгой") вносились "древние благородные дворянские роды".